

21 ИЮН 1983

2207

Правда Украины
г. Киев

4

ВСТРЕЧА НА ДНЕПРОСТРОЕ

К 100-летию со дня рождения Федора ГЛАДКОВА

РАЗГОРАЛОСЬ лето напряженного, незабываемого для днепростроевцев тридцатого года. Шла решающая битва за встречный план — укладку до наступления зимы пятисот тысяч кубометров бетона. Пятьсот тысяч! Такого количества бетона еще не укладывали за строительный сезон ни на одной стройке в мире.

Борьба днепростроевцев за встречный вылилась в захватывающее событие для всей страны. О ней заговорили в центральной прессе. На лесах стройки появлялись новые и новые делегации ученых, работников искусства, представителей разных общественных организаций, журналисты. Особенно долго они задерживались на участке будущей гидростанции, у подножия высоких, как башни, эстакад, с которых по крутым зигзагообразным желобам бетонная жижа направлялась в глубину турбинных труб. Прежде обычно подъем бетона на эстакаду производился стрелой одного крана или дери́га, теперь же, по предложению крановщиков, он совершался синхронно работающими стрелами двух кранов. Это было ценной новинкой, почти вдвое ускоряющей бетонировку глубинных блоков.

В тот памятный день мне и моему напарнику — шустрому армянскому пареньку Ованесу — выпало нести вахту на самой крутой эстакаде. Работа не тяжелая, но требовала большой бдительности и сноровки. То и дело летящая бадьба цепляла опалубку, срывала опоры, и надо было мгновенно, чтобы не

нарушать синхронности в работе кранов, производить поочередно поворотов.

С высоты нашей эстакады было особенно отчетливо видно восхищение энтузиазмом строителей, большой группы посетителей, толпившейся на мосту. Казалось, им дальше уже и идти никуда не хотелось.

Вдруг Ованес, схватив меня за плечи, восторженно воскликнул:

— Яшок! Яшок! Ты вон на того погляди! Вишь какой прыткий! Как акробат! — И с восхищением добавил: — Вот это следопыт!

В стороне, на возвышенности переплета лесов, в одиночку, в самом деле, как акробат, перебирался с одной стремянки на другую уже немолодой, слегка поседевший человек с блокнотом в руке. Он азартно обращался с расспросами то к одной бригаде, то к другой, что-то записывал, что-то уточнял для себя, словно старался постичь глубину истинных человеческих возможностей.

Его дружелюбно встречали в бригадах.

— Кто он? — недоумевали мы.

— Видать, инженер с какой-то стройки, — предположил Ованес. — Небось, наш метод хочет перенять!

Тем временем неизвестный любознательный инженер уже поглядывал и в нашу сторону. Даже было уже устремился к нашей эстакаде, как вдруг случилась беда: по ошибке такелажника большая железная бадьба, наполненная бетоном, резко ударила о деревянный пол эстакады, проломив его, и меня, как ветром, бросило

через образовавшуюся брешь по крутому двадцатиметровому откосу вниз.

Когда я очнулся, первое, что заметил — это встревоженные добрые глаза наклонившегося надо мной все того же неизвестного инженера.

— Ах, батюшки, как же это могло произойти? — сокрушался он.

Тут же со слезами на глазах старательно возился со мной загадочный мой друг Ованес. Он осторожно ощупывал мои плечи, спину, голову и все спрашивал, где болит. Болело все тело, но особенно жгло ступню правой ноги. Ованес быстро стянул сапог и размотал окровавленную портянку. В ступне торчал кусок заржавленного гвоздя.

Подбежавшая медсестра быстро промыла поврежденное место, осторожно извлекла гвоздь и собралась обрабатывать рану йодом.

— Погоди! — отстранил ее Ованес. — Не надо, — и, прижав к ране ртом, начал старательно отсасывать кровь. Отсосет и выплюнет, отсосет и выплюнет.

Инженер одобрительно кивнул головой:

— Я тоже слышал, что в таких случаях народное средство имеет свою силу.

Потом меня отправили в общежитие, уложили в постель и посоветовали постараться уснуть. Но я и без советов, как убитый, проспал до утра.

А утром, перед уходом на работу, Ованес чуть ли не танцевал у моей койки.

— Яшок, Яшок, да ты знаешь, кто он, этот наш «инженер»?

И вдруг все ребята общежития, словно сговорившись, хором гаркнули:

— Гладков! Федор Гладков!

В те годы роман Гладкова «Цемент» был среди рабочих любимой книгой, а имя его автора широко популярным. Поэтому приезд такого писателя на стройку вызвал среди днепростроевцев радостное оживление.

Боль моей раны заметно утихла. На третий день врачи уже разрешили мне потихоньку ходить. Как раз в этот день на вечер в помещении редакции газеты «Пролетар Днепробуду» было назначено очередное собрание нашей литературной группы, на котором по плану должен был выступать с чтением своего нового рассказа и я. Конечно же, отсидевшись в общежитии было невозможно, и я поковылял в редакцию.

В большой комнате заседания оживленно толпилась молодежь. Кроме литгрупповцев, здесь были и работники редакции, и райкома комсомола, комсорги и профоргы участков стройки. Незаметно в уголок примостился и я. Сидящий у края стола Федор Васильевич, не ожидая открытия собрания, с волнением заговорил о несчастном случае на эстакаде, свидетелем которого он был. Не замечая меня, Гладков рассказывал об этом все подробности: и как я катился по крутому захлапленному откосу вниз, и как рыдающий Ованес отважно боролся за спасение жизни своего друга, и как отчаянно смело высасывал губами из загрязненной раны кровь.

Случай был действительно серьезным. Но писатель Гладков открыл в нем что-то новое, радостное. В такой преданности друг другу двух рабочих пареньков — армянина и украинца — виделась ему сила крепнущей дружбы советских народов. Он сказал:

— Это священная сила!

Вдруг, заметив меня, Федор Васильевич поднялся со стула и приветливо спросил:

— Значит, вы тоже пишите?

Я смутился, не зная, что ответить. Сказать, что да, пишу, означало бы, будто уже сам ставлю себя в один ряд с такими маститыми пишущими, как Федор Гладков. И я глуповато пролепетал:

— Да так, балуюсь понемножку.

— Баловаться не следует, — сказал он. И, обращаясь ко всем, суховатым заметил: — Литература, братцы, баловства не любит.

С чтением своего рассказа из литгрупповцев выпадало выступать мне. Однако я, снова оробев, наотрез отказался. Даже соврал, что из-за болезни и рукопись забыл в общежитии. Ребята возмутились. Ведь кое-кто уже был ознакомлен с рассказом, потому его и внесли в план обсуждения, и в глазах их я уже предстал вообще как срывающий плановую работу литгруппы. Но Федор Васильевич, словно угадывая мое состояние, спокойно заметил:

— Ну что ж, не послушай на этом собрании, послушаем на следующем. — И для более продуктивного обсуждения предложил размно-

жить мой рассказ «Сталь» на машинке.

Однако на следующем нашем собрании участвовать ему уже не пришлось. Его одолевала работа над романом «Энергия». Он надолго выезжал в Москву, на стройке бывал изредка, и ему, конечно же, было не до наших собраний. Казалось, он совсем забыл и обо мне.

Вдруг (уже на следующий год) в редакции газеты пришел от Федора Васильевича пакет для меня — свежий декабрьский номер журнала «Огонек», который меня потряс до слез. В нем был напечатан мой рассказ «Сталь», под заголовком которого на чистом уголке чернилами было написано: «Искренне поздравляю, желаю новых успехов. Ф. Гладков».

Сегодня, в день столетия со дня рождения Федора Васильевича Гладкова, советские люди с большой любовью вспоминают его имя, его немеркнущие художественные произведения. С любовью и благодарностью вспоминаю и я.

Яков БАШ.